

— БЫЛИ ли у меня неприятности в связи с моими выступлениями? Конечно. Я считал это нормальной жизнью. Для меня, как в аэропорту в песне Высоцкого, время от времени закрывался то один, то другой город. Один — на шесть, другой — на десять лет, третий... Открытыми оставались те города, где меня еще не было. Но страна у нас очень большая...

Был в одном городе такой случай. Директор филармонии сказал мне: «Товарищ Жванецкий, вы спрашиваете, почему я вас не приглашаю? Что вы думаете, у меня есть второй партбилет?» Так что можно говорить «не пускают» или «не приглашают», но если речь идет о такой реакции, то зачем было приносить несчастие директору филармонии? А главное, если действительно не приглашают, ты же не выйдешь на сцену и не начнешь нахально читать.

Москва — это город, благодаря которому я «спасся». В Москве в те годы легче было «спрятаться», чем в других городах — уж больно большая.

— Считаете ли вы себя москвичом?

— Вы знаете, я скорее всего сказал бы, что я член «Одеколона». Это одесская «колония» в Москве.

— Пользуетесь ли вы в жизни какими-либо льготами? Как писатель, как сатирик, как Жванецкий?

— Ну, как писатель и сатирик — скорее наоборот. Какие у нас главные проблемы? Магазины, больницы... А там люди скорее разбегаются, чем собираются, когда узнают, кто такой. А вот как Жванецкий... В последнее время стало легче: начали узнавать, сама очередь расстулается и пропускает. Что меня настораживает? Я, как мне кажется, стал отрываться от жизни. И теперь надо будет где-нибудь постоять в очереди, чтобы опять «набраться».

— Есть ли у вас кумир?

— Их несколько: это и Аркадий Исаакович Райкин, и Андрей Битов. В общем, есть несколько человек, но не так уж много.

— Если бы вы не стали писателем, кем бы вы хотели стать?

— Ну, я не знаю. Я был инженером в порту, и мне нравилась моя работа. А писателем я стал поневоле. Начал с жалоб. Эти жалобы вызывали у людей и смех, и хохот, хотя, конечно, из начальства никто особенно на них не реагировал. Потому я и стал писателем. Которым, я считаю, еще не стал. Мне еще, может быть, предстоит когда-то им стать.

А вообще, я бы хотел быть владельцем небольшого ресторанчика, кафе. Так я себе мечтал. Я буду встречать, мне будут звонить по телефону, я буду спрашивать, как дела, и говорить: «Пожалуйста, столлик ваш». В общем, представлял что-то связанное с едой: я сам люблю поесть и люблю, когда при мне это делают. Но все это — если бы не было проблем.

— Михаил Михайлович! Во время своих выступлений вы неизменно появляетесь со стареньким потертым портфелем. Сколько ему лет? Чем он вам так дорог? Что символизирует?

— Портфель моему лет, наверное, тридцать пять. А дорог он мне как талисман. Когда-то меня отец научил, что папку держать неудобно, потому что под мышкой держишь. Значит, нужен портфель. Но он должен быть легким, потому что главное — что в нем. А еще отец говорил, что он должен быть из кожи, потому что кожа, когда она стареет, становится еще

лучше. То есть это благородный материал, который со старостью приобретает благородство. Ну, благородства портфель у меня не приобрел, но как талисман он мне дорог.

— Как вы относитесь к своей популярности?

— Хорошо. В нашей стране, как нигде, популярность помогает. Помогает жить. Ведь если бы я вам сказал, сколько получаю за концерт вот здесь, во Дворце спорта, мы бы хохотали все вместе. Потому что ставка 18 рублей, значит две ставки — 36 рублей. А ведь мы приносим большую прибыль. В среднем 30 тысяч за один концерт. Если бы на хозрасчете, мы бы, конечно,

новогоднее приветствие для Ефремова. Вот что значит хороший актер. Мне говорят: вы пишете так, что трудно исполнять. Нет. Ефремов сходу, с листа прочел. И это был блеск.

— Как вы относитесь к женскому футболу, женскому дзюдо, женской тяжелой атлетике?

— К женскому любому виду спорта отношусь сугубо положительно. Просто потому, что хорошо отношусь к женщинам. Но мне очень нравится женский волейбол. Почему-то я готов наблюдать его часами, даже не особенно следя за счетом. А женское дзюдо — думаю, что это не в моем характере. Я всегда был противником и никогда не участ-

чатую. Они робеют. И мы нагло говорим: ах, вы не прислали бумагу с печатью, тогда мы эту фразу не снимем.

А тяжелее стало, потому что стыдно перед публикой, у которой таких хороших изменений, как у меня, еще нет. Я понимаю, насколько тяжело что-нибудь изменить в промышленности, в сельском хозяйстве. Я вижу людей, которые приходят на концерт и жадно слушают, хотят от меня услышать что-то, и я тоже хотел от них что-то услышать. И мне стыдно от того, что мне стало легче, возросла свобода слова, а у людей, работающих на производстве, пока мало изменений. Но мне стало

— А больше ничего. По-моему, больше ничего. Одно слово — демократия — уже все включает. Демократия — это главное. Я еще пока плохо знаю, что такое хозрасчет, но демократия включает в себя и гласность. И стыдно читать, что нам надо учиться демократии.

— Что думают и говорят о перестройке в Одессе?

— Там, к сожалению, стали много трепаться: «Вы уже перестроились? А я еще не перестроился...»

— Михаил Михайлович, как вы думаете, почему в Киеве нет афиш о вашем приезде?

— А потому, что так некоторые головы работают: «Зачем ажиотаж, зачем афиши? Билеты и так раскуплены». Это все дико обижает меня. Во многих городах так — нет афиш. И это страшно обижает. Ну пусть будет ажиотаж. Пусть по городу будут афиши! Пусть артист в свой звездный час почувствует, что творится в городе, он же не долго бывает популярен.

— Верите ли вы, что мы от всех недостатков когда-нибудь сумеем избавиться?

— Нет, конечно. От всех недостатков мы не сумеем избавиться. Не верю. Но от главных хочу, чтобы мы избавились. Чтобы у нас не было такого огромного количества начальства. Чтобы начальник и подчиненный не разнились между собой так явно, чтобы и там и тут рабство было выдвинуто. Потому что в иных наших начальниках рабства больше, чем в их подчиненных. Потому что они робеют рабски перед своими начальниками и хамят рабски своим подчиненным. Совершенно меняется язык и стиль в разговоре «вверх» и в разговоре «вниз».

Вот если мы сумеем избавиться от того, чтобы давить нижнего или лизать зад верхнего, вот тогда мы будем нормальными людьми, у которых развито чувство собственного достоинства и своих способностей. Конструкторских, писательских, рабочих, торговых, любых способностей. Только тогда каждый человек будет способен обеспечить себя достойным заработком, достойным жильем, достойным внешним видом. Вот такая свобода нам и нужна.

Вот вы видите, сколько было писем по поводу Пугачевой за скандал в том месте, где мы все скандалим. Какой из наших людей не скандалит в гостинице? Все там скандалят. Там такое место. Там скандалит чуть ли не каждый человек.

При собственном достоинстве тут просто улыбеешься и пройдешь мимо. Когда у тебя нет комплекса неполноценности, ты скажешь: Алла Борисовна, что ж так, как же они так? Возьмите мой номер. Не обращайтесь, Алла Борисовна.

— Михаил Михайлович, какое явление нашей жизни вам больше всего ненавистно?

— Вот это рабство. Отсюда и хамство. Отсюда и зависть. Отсюда и невозможность вынести, если сосед что-то делает, то ли работает, то ли строит себе что-то, то ли куда-то закопался и что-то выращивает. Человек с рабской психологией не может вынести, чтобы сосед что-то делал.

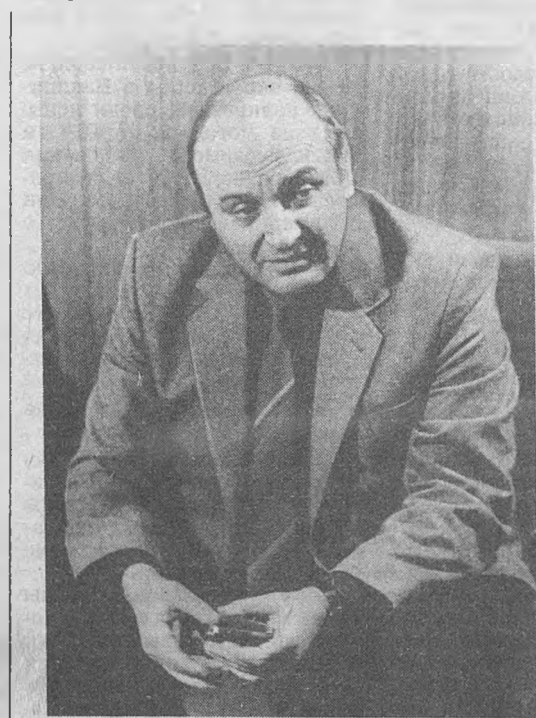
— Что заставляет вас все это писать и все это говорить?

— Вот эта же ненависть ко всему перечисленному. Ненависть к рабству, хамству, зависти. Желание, чтобы их было как можно меньше. А лучше — чтобы вообще не было.

Беседу вели
А. АБДУЛЛИН,
А. БАЗАРОВ.

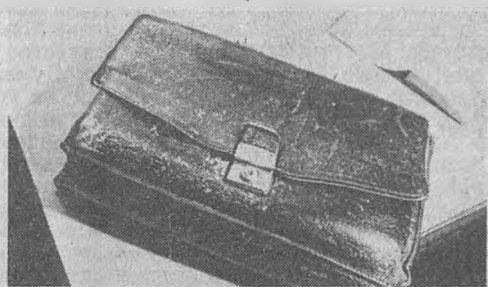
Киев — Москва.

Встречи и знакомства

«Поражаюсь гражданскому мужеству М. Жванецкого. Ведь то, что он говорит, переполняет душу каждого из нас, но далеко не каждый находит смелость сказать об этом. А он бичует недостатки, высмеивает глупость и хамство, разоблачает демагогию и бюрократизм. Неужели у него действительно есть броня, за которой ему никто и ничто не страшно? Неужели у него никогда не было неприятностей после выступлений?»

Это письмо харьковчанина В. Ленского редакция получила еще до того, как Михаил Михайлович Жванецкий приехал в Киев. А после первых его концертов в столице Украины в редакционной почте был уже не один десяток вопросов к известному сатирику. Выполнив, не без удовольствия, просьбы читателей, мы встретились с М. Жванецким перед заключительным концертом.

М. Жванецкий: ...ПОТОМУ И СТАЛ ПИСАТЕЛЕМ

разговаривали сейчас с вами где-то в другой обстановке. А так иногда просто бывает обидно: все на хозрасчете, а я-то что? Почему нужно содержать Укрконцерт, Росконцерт, огромные аппараты? Они же просто меня уговаривают, умоляют: выступите, пожалуйста, выступите! Я же лично никакой заинтересованности не имею. Мне все равно, где выступать: что в однокомнатной квартире, что во дворце спорта. Так что все продумано с тем, чтобы человек был совершенно незаинтересован.

— Вы оптимист или пессимист? Верите ли вы людям?

— Ну, конечно же, я оптимист. И, конечно, верю людям. Больше всего я горел на том, что верю людям. И все мы, бывает, горим, когда верим людям. Так что же, не верить? Это еще хуже. Как можем мы не верить? Тогда и мы превратимся в таких себе настоящих, неприятных людей. Их и так, к сожалению, очень много. Надо верить. Пусть нас обманут. Пусть говорят: боже, какие мы наивные! Ну и пусть. Но мы больше счастья испытаем, если будем верить людям, чем если не будем.

— Кто, по вашему мнению, лучше всего исполняет ваши миниатюры?

— Карцев и Ильченко, Райкин, Юрский, Филиппенко очень хорошо это делают. Статьи, однажды я написал

вовал в этом виде спорта — в женском дзюдо.

— Ходят упорные слухи, что в триумфе одесской команды КВН не последнюю роль сыграли и вы. Правда ли это? Или в Одессе все так шутят?

— Слухи о том, что в победе одесской команды КВН я сыграл какую-то роль, преувеличены. Я там никакой роли не играл. Просто, конечно, может быть, что-то похожее происходит, но они не обращались ко мне и пишут сами. Мне часто приходится на концертах оправдываться, и я говорю, что ни одного слова им не написал.

— Как вы считаете, наша страна — это Европа или Азия?

— Прекрасный вопрос. Она такая, как она есть: часть Европы и огромная часть Азии. Вот она такая, как она есть, наша страна. Тем не менее очень хочется, чтобы влияние нашей Европы распространилось на нашу Азию.

— Какие изменения в вашей работе связаны с гласностью? Вам стало легче или тяжелее работать?

— Мне стало легче жить и тяжелее работать. Легче потому, что все публикуется, все выходит. По телефону еще иногда просят что-то снять, но мы уже можем не подчиняться. Мы становимся бюрократами и говорим: письменно скажите нам, какую фразу снять. Пришли бумагу с пе-

легче, и я говорю себе: ладно уж, пусть хоть так. Постепенно это распространится на всех, и у вас тоже будет легче.

— Михаил Михайлович, читатели интересуются, в чем состоит перестройка лично для вас?

— Те, кто врал, — пусть перестраиваются. А мне чего перестраиваться?

— Хотели бы вы принять участие в телемосте СССР — США? Что бы вы сказали?

— Вы знаете, я бы не хотел принять участие в телемосте СССР — США. Тут во мне боролось бы два чувства. Я привык быть искренним, привык говорить правду и привык быть патриотом. Я бы хотел все-таки, чтобы чуть-чуть, ну чуть-чуть у нас стало лучше. Я бы тогда вышел с большим достоинством. И поэтому я бы пока не пошел. А вообще, вы знаете, я когда попадаю за границу, это происходит как-то автоматически: я становлюсь прямо-таки ярким патриотом, потому что все-таки что-то такое происходит в душе, и даже если за какие-то вопросы стыдно, то все равно чувствуешь: хотелось бы, чтобы за твоей спиной все было хорошо. Чтобы ты мог своей спиной заслонить всю страну. Это очень тяжело, но все-таки попытаться заслонить.

— Демократия, гласность, хозрасчет. Что еще нужно для перестройки?

ХОККЕЙ